

ПЕТРОГЛИФЫ ПАМЯТНИКА УЦЗЯЧУАНЬ В КИТАЕ И ИХ СИБИРСКИЕ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ АНАЛОГИИ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

На памятнике наскального искусства Уцзячуань в уезде Цзинъюань пров. Ганьсу (КНР) шесть всадников и один стоящий человек показаны в головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами. Стоящую фигуру из Уцзячуань можно воспринимать и как сидящую, если ее очень длинные опущенные вниз «руки» считать контуром широкополого одеяния. Такая трактовка находит соответствие в тюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. На валуне из могильника Кудыргэ выгравирована сидящая женщина в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которой склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Гравированные изображения женщин в трехрогих головных уборах также встречены на скалах и на костяных предметах в Киргизии, Казахстане и в Хакасии. П.П. Азбелев кудыргинскую «сцену коленопреклонения» интерпретирует как отражение христианского (несторианского) сюжета о поклонении волхвов. Всадники в рогатых головных уборах на писанице из Уцзячуань, сгруппированные по трое, спешат на поклонение к находящемуся слева от них персонажу в трехрогом головном уборе. Этот персонаж, как и на кудыргинском валуне, по росту превосходит и всадников и даже их коней.

Ключевые слова: Северо-Западный Китай, тюркское время, петроглифы, «сцена коленопреклонения» из Кудыргэ, «трехрогие» персонажи Сибири и Центральной Азии, памятник наскального искусства Уцзячуань

В начале июля 2019 г. автор в составе группы новосибирских археологов в рамках работы по поддержанному РФФИ проекту по изучению наскальных изображений Китая совершил поездку в пров. Ганьсу и в Нинся-Хуэйский автономный район КНР [Варенов, Кудинова, 2019; 2020]. Ему удалось посетить памятник наскального искусства Уцзячуань (吴家川) в уезде Цзинъюань на востоке пров. Ганьсу [Варенов, Кудинова, Соловьев, 2019]. Издавший петроглифы Уцзячуань в 1983 г. Чжан Баоси [1983, с. 46] отмечал, что рисунки в технике выбивки выполнены металлическими инструментами. Но ближе к концу своей статьи он сопоставил наскальные изображения персонажей в трехрогих головных уборах из Уцзячуань и рельефные головы на керамике местной неолитической культуры Баньшань [Чжан Баоси, 1983, с. 47]. В данной работе предполагается для уточнения датировки персонажей в трехрогих головных уборах памятника Уцзячуань и раскрытия семантики китайских петроглифов рассмотреть аналогии им среди изобразительного искусства Южной Сибири и Центральной Азии. Необходимо будет также провести обзор интерпретаций трехрогих персонажей и выбрать ту из них, что лучше всего соответствует реалиям китайской писаницы. Кроме того, планируется осуществить поиск других «трехрогих» антропоморфных изображений среди петроглифов Северо-Западного Китая и оценить их значение для дальнейшего изучения наскального искусства региона.

Размер памятника Уцзячуань невелик: только две плоскости южной экспозиции. На восточной плоскости присутствуют фигурки оленей и козлов, а также современные иероглифические надписи. На западной плоскости, помимо оленей и козлов, выбиты восемь всадников (в силу чего памятник невозможно датировать эпохой бронзы и тем более неолитом) и несколько антропоморфных фигур (рис. 1.-/). Не менее шести

всадников и один стоящий (или сидящий) человек изображены в специфических головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами. Один всадник, расположенный в центральной части западной плоскости, «скачет» в левую сторону. Три других всадника выбиты правее него, в правом верхнем углу, и тоже «скачут» влево. Пятый всадник в трехрогом головном уборе, тоже едущий влево, находится в левой части западной плоскости, ниже антропоморфного персонажа с большой круглой головой. Изображение пятого всадника сохранилось плохо, особенно задняя часть фигуры

Рис. 1. Наскальные изображения «трехрогих» всадников в Китае:

1 – западная плоскость памятника наскального искусства Уцзячуань;
2–4, 6 – местонахождение Маньдзлашань из пустыни Бадын-Джаран (Внутренняя Монголия); 5 – местонахождение Шифанцзюань (уезд Чжунвэй Нинся-Хуэйского автономного района). Разный масштаб. Рисунки масштабированы и скомпонованы в таблицу А.В. Вареновым по: [1 – Чжан Баоси, 1983, с. 47, рис. 4 (в обратных цветах); 2–4, 6 – Гай Шаньлинь, 1997, с. 248, 259, 289, 290, рис. 266, 343, 579, 587; 5 – Чжоу Синхуа, 1991, с. 309, рис. С–5].

его коня, но на старой фотографии 1983 г. он виден вполне отчетливо (см. рис. 1.-1). Шестой всадник в трехрогом головном уборе расположен правее пятого, ниже изображения козлика(?). Современная сохранность этой фигуры также оставляет желать лучшего, но на протирке 1983 г. шея и голова коня и верхняя часть туловища его седока четко различимы (см. рис. 1.-1). Фигура стоящего человека в трехрогом головном уборе находится в нижней части левой оконечности западной плоскости, левее и чуть ниже круглоголового персонажа, которого китайские археологи считают солярным божеством или шаманом с бубном. На протирке 1983 г. она осталась за границей кадра. Впрочем, эту фигуру можно воспринимать и как сидящую, если ее очень длинные опущенные вниз «руки» считать контуром широкополого одеяния, а то, что передано выбивкой внутри него, – сложенными на груди или на животе «настоящими» руками и подогнутыми ногами [Варенов, Кудинова, Соловьев, 2019, рис. 3.-3].

Такая трактовка находит соответствие в тюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. В погребении 16 могильника Кудыргэ встречен валун-изваяние, на двух сторонах которого выгравирована так называемая «сцена коленопреклонения» (рис. 2.-1). Показана сидящая женщина в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которыми склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Центральный из них тоже в трехрогом головном уборе, а на гривах у всех трех коней выстрижено по три зубца [Руденко, Глухов, 1927, с. 51–52, рис. 18]. В течение почти сотни лет, прошедших с момента раскопок Кудыргэ в 1924–1925 гг., «сцена коленопреклонения» трактовалась либо как отражение раннесредневековой социальной и или этнокультурной ситуации (подчинение бедных богатым/знатным или одних племен другими), либо как поклонение людей неким тюркским божествам [Гаврилова, 1965, с. 19–21; Азбелев, 2010, с. 12–27]. В частности, Л.Р. Кызласов [1949, с. 51] пришел к выводу, что сидящая женщина в трехрогой тиаре – это богиня Умай, а склонившийся перед ней человек в таком же головном уборе – это шаман. Напротив, А.С. Суразаков [1994, с. 51] считал, что на валуне зафиксировано поклонение семье (вдове и ребенку) умершего вождя.

С середины 60-х гг. XX в. в качестве еще одного источника, отражающего бытование трехрогих головных уборов у кочевников в раннем Средневековье, начинают рассматриваться тюркские каменные изваяния, распространенные преимущественно в Семиречье и на Тянь-Шане. Я.А. Шер [1966, с. 44] датировал их VI–VIII вв. С.М. Ахинжанов [1978, с. 76, 79] считал их женскими изображениями шаманок кимако-кипчакского политического объединения, типичными для IX–X вв. Л.Н. Ермоленко [1995, с. 55] в 1995 г. утверждала, что «большинство реалий изваяний в „трехрогих“ головных уборах имеют аналогии среди реалий древнетюркских изваяний среднеазиатско-казахстанского региона VII–VIII вв.». В том же 1995 г. при раскопках тюркского женского погребения в кургане №54 на могильнике Суттуу-Булак (Сюттю-Булак) в Центральном Тянь-Шане (Кыргызстан) были встречены костяные пластины с многофигурными гравированными композициями [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997]. На одной из них изображена внутренняя часть юрты, в которой сидят два человека – мужчина и женщина. На голове у женщины – трехрогий головной убор (рис. 2.-2). По мнению Ю.С. Худякова, многофигурные композиции из Суттуу-Булака «могли служить иллюстрациями к повествованию о деяниях эпических героев» [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 245].

Женщина в трехрогом головном уборе, сидящая на тахте рядом с мужчиной внутри юрты (шатра), выбита и на поверхности тюркского изваяния №2 из Когалы в Чу-

Илийском междуречье (рис. 2.-6). Аналогичный, только более схематичный рисунок есть и среди гравировок Сулекской писаницы на севере Хакасии (рис. 2.-4). А.Е. Рогожинский [2010, с. 341–342] сознательно оставил за пределами своей публикации вопросы семантической и исторической интерпретации изобразительных материалов со

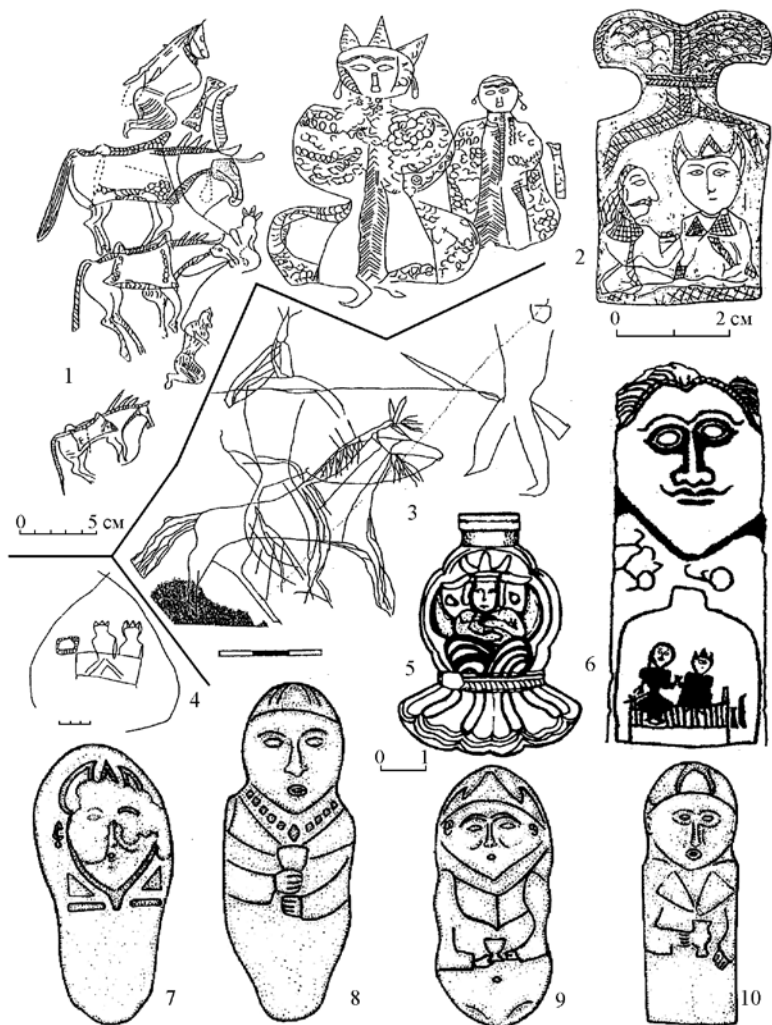

Рис. 2. Аналогии «трехрогим» персонажам с писаницы Уцзячуань:

1 – «сцена коленопреклонения» на валуне из погр. 16 могильника Кудыргэ; 2 – костяная пластинка из кургана №54 могильника Суттуу-Булак (Сюттю-Булак); 3 – наскальная гравировка из урочища Дялбак; 4 – гравировка с Сулекской писаницы; 5 – бронзовый игольник из фондов Минусинского музея; 6 – сцена, выбитая на изваянии из Когалы; 7–10 – каменные изваяния в «трехрогих» головных уборах. Разный масштаб. Рисунки масштабированы и скомпонованы в таблицу А.В. Вареновым по: [1 – Гаврилова, 1965, табл. VI.-2; 2 – Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 243, рис. 2; 3 – Константинов, Урбушев, 2018, с. 271; 4 – Кызласов, 1998, с. 42, рис. 5; 5 – Скобелев, 1999, с. 164, рис. 3; 6 – Рогожинский, 2010, рис. 8.-2; 7–10 – Худяков, 2010, с. 103, рис. 1]

стелы №2 из Когалы. И.Л. Кызласов [1998, с. 47], издавший в 1998 г. гравированное изображение сидящей в шатре пары из Сулека, напротив, основное внимание уделил его семантике и предположил, что так изображались тюркские божества Тенгри и Умай, божественность которых «выражена лишь их трехрогими головными уборами», а также жрецы и «некие богоподобные персонажи (прежде всего, очевидно, катун)». С.Г. Скобелев [1999, с. 164–166], тогда же обратившийся к иконографии образа богини Умай в тюркское время, главными ее атрибутами считал крылья, а головной убор в виде трехрогой (трехлучевой) тиары или нимб – факультативными. Он приводит изображение женщины с крыльями и в трехрогом головном уборе на металлическом предмете в виде рыбки – случайной находке, хранящейся в Минусинском музее (рис. 2.-5).

В 2010 г., в ходе исследования вопроса о возможной иконографии божеств тюркского пантеона, обзор раннесредневековых изображений персонажей в трехрогих головных уборах на территории Южной Сибири и Центральной Азии предпринял Ю.С. Худяков, включивший в круг источников помимо валуна из Кудыргэ, пластинок из Сутуу-Булака и петроглифов также ряд тюркских каменных изваяний (рис. 2.-7–10). Рассмотрев выдвигавшиеся ранее версии, что так выглядели тюркские божества Тенгри, Умай и/или шаманы, он пришел к выводу, что никаких оснований считать, будто тюрки «представляли своих богов Тенгри и Умай в антропоморфном облике, не существует», а «трехрогие» изображения передавали «головные уборы с высоким коническим верхом и боковыми наушами», которые «определенно вошли в моду и приобрели престижный характер у древнетюркских женщин в период существования Первого Тюркского каганата» [Худяков, 2010, с. 99, 101].

Однако трехрогий головной убор может не обязательно оказаться парадным или ритуальным, о чем свидетельствуют открытые в 2017 г. в урочище Дялбак в Восточном Алтае раннесредневековые гравированные изображения [Константинов, Урбушев, 2018, с. 271–272]. Среди них есть фигура сидящего на коне воина с копьем в руках и в трехрогом головном уборе (возможно, коническом боевом шлеме с рогами) (рис. 2.-3). На гриве его коня выстрижены три зубца. Кони с выстриженными на гривах тремя зубцами встречаются не только на накладке на переднюю луку седла из погребения 9 того же могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, с. 24, 33, 35–36, табл. XV.-12, XVI.-1], но и в раннесредневековых петроглифах Чаганки и Елангаша в Горном Алтае [Konstantinov, Soenov, Cheremisin, 2016, p. 11–12, fig. 4.-2, 5.-3, 6.-2]. П.П. Азбелев [2010, с. 7–9] выводит стрижку конской гривы в виде трех зубцов из стремления тюрков уподобить лошадь мифическому трехроговому «носорогу» древнего и раннесредневекового Китая. Но на гривах всех коней из Уцзячуань трех зубцов нет. На верху конских голов показан только один сильно выдающийся вперед выступ, соответствующий челке, настороженным ушам или султану (плюмажу). Так что три зубца, выстриженных на гриве коня, скорее всего – местная алтайская специфика тюркской эпохи.

П.П. Азбелев [2010, с. 48–49] «сцену коленопреклонения» интерпретирует как отражение христианского (несторианского) сюжета о поклонении волхвов. Не вдаваясь в обсуждение предложенной петербургским исследователем трактовки сцены на валуне из Кудыргэ, можно предположить, что всадники в рогатых головных уборах на писанице из Уцзячуань, сгруппированные по трое в левой и в правой частях западной плоскости, спешат на поклонение к стоящему (или, скорее, сидящему) слева от них персонажу в таком же трехрогом головном уборе (см. рис. 1.-1). Этот персонаж, как

и на кудыргинском валуне, по росту превосходит и всадников, и даже их коней [Варенов, Кудинова, Соловьев, 2019, рис. 3.-4]. Исходя из ориентации по сторонам света самой скалы с рисунками, верховые паломники в трехрогих головных уборах едут, как и новозаветные волхвы, с востока на запад. Судя по степени их сохранности, правая группа «рогатых» всадников чуть моложе левой.

Для поиска аналогий всадникам в трехрогих головных уборах из Уцзячуань среди известных наскальных изображений Северо-Западного Китая автор сплошь просмотрел монографические публикации петроглифов из Ганьсу и соседних провинций Цинхай, Нинся и Внутренняя Монголия. За исключением памятника Уцзячуань, персонажей в трехрогих головных уборах среди изданных к настоящему моменту петроглифов Южной и Северной Ганьсу нет [Ду Чэнфэн, 2014; Хань Цзиган, 2015]. Нет их и в наскальных рисунках соседнего Цинхая, гор Иньшань и степи Уланьчаб в южной части Внутренней Монголии [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001; Гай Шаньлинь, 1986; 1989]. Всадники в трехрогих головных уборах встречены в четырех пунктах местонахождения петроглифов Маньдэлашань, что находится на юго-востоке пустыни Бадын-Джаран (*кит.* Баданьцзилинь 巴丹吉林) в западной части Внутренней Монголии [Гай Шаньлинь, 1997, с. 248, 259, 289, 290, рис. 266, 343, 579, 587]. В двух случаях их головные уборы напоминают ковбойскую шляпу с широкими полями или даже сомбреро (рис. 1.-2, 3), в двух других – похожи на высокую шапку с торчащими отворотами (рис. 1.-2, 4) и лишь в одном – на корону или рогатый шлем (рис. 1.-6). В двух пунктах кони «рогатых» всадников показаны с четырьмя ногами, еще в двух – только с двумя. Выстриженных на гриве трех зубцов нет ни у одного из них. Еще один рисунок персонажа в трехрогом головном уборе есть на памятнике Шифанцзюань, расположенном в городском районе (ранее – уезде) Чжунвэй Нинся-Хуэйского автономного района, лежащего примерно на равном расстоянии от Уцзячуань и Маньдэлашань, на полпути между ними [Чжоу Синхуа, 1991, с. 309, рис. С-5]. Этот антропоморф с акцентированным признаком мужского пола и в трехрогой короне с высокими зубцами стоит рядом с конем, голова (но не грива!) которого увенчана похожим трезубцем. Однако он гораздо крупнее лошади, которая на его фоне смотрится как собака (рис. 1.-5). В других обобщающих изданиях, также описывающих наскальные изображения уезда Чжунвэй, данный петроглиф отсутствует [Ли Сянши, Чжу Цуньши, 1993, с. 140–219; Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993, с. 204–352].

В заключение хотелось бы остановиться на вопросе выделения наскальных изображений тюркского времени в Китае и в иных регионах. В Китае данная тема разработана очень слабо, а тюркские наскальные гравировки китайские исследователи петроглифов, видимо, пока попросту не замечают. Во всяком случае, рисунков, выполненных в технике резной линии, в опубликованных ими сводах практически совсем нет. При чтении же отечественной литературы порой складывается впечатление, что петроглифы тюркского времени представлены только гравировками [Серегин, Мухарева, 2015; Konstantinov, Soenov, Cheremisin, 2016]. Проблема заключается в трудности отделения тюркских выбивок, особенно простых (таких, например, как схематичные изображения горных козлов – *теке*) от более ранних или более поздних (этнографически современных) [Кубарев, 2011, с. 62–63]. Подходы к ее решению видятся в выделении хронологических маркеров в виде раннесредневековых реалий, присутствующих не только среди гравированных, но и среди выбитых наскальных изображений, к которым можно было бы при-

вязывать в силу совместного нахождения в одной композиции и/или стилистического сходства и иные рисунки. К числу уже задействованных исследователями хронологических индикаторов тюркского времени в массиве наскальных выбивок можно отнести не только уже упоминавшуюся стрижку конской гривы в виде трех зубцов [Güneri, 2018], но и всадников со знаменами [Рогожинский, 2019]. Еще одним признаком тюркского периода для выбитых наскальных рисунков, как мы пытались продемонстрировать, являются изображения персонажей в трехрогих головных уборах.

Библиографический список

- Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. СПб., 2010.
- Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
- Варенов А.В., Кудинова М.А. Путешествие на Северо-Запад за петроглифами // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18, вып. 10: Востоковедение. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113
- Варенов А.В., Кудинова М.А. Путешествие на Северо-Запад за петроглифами. Часть 2. Продолжение в Нинся // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, вып. 4: Востоковедение. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-147-158
- Варенов А.В., Кудинова М.А., Соловьев А.И. Полевое исследование писаницы Уцзячуань в уезде Цзиньюань провинции Ганьсу (КНР) летом 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. Т. XXV. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.345-352
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Ермоленко Л.Н. К проблеме каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. Кемерово, 1995.
- Константинов Н.А., Урбушев А.У. Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул, 2018.
- Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск, 2011.
- Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. 1998. №4.
- Кызласов Л.Р. К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК АН СССР. 1949. Вып. XXIX.
- Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументально-го искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы, 2010.
- Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е.Г. Дэвлет. Труды САИПИ. Вып. XII. М.; Кемерово, 2019.
- Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 2. Л., 1927.
- Серегин Н.Н., Мухарева А.Н. История изучения петроглифов раннего средневековья на территории Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. №1 (9). Сер.: Археология. Вып. 2.
- Скобелев С.Г. Иконография образа богини Умай в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.
- Суразаков А.С. К семантике изображений на Кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994.
- Худяков Ю.С. Об изображении божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Древности Сибири и Центральной Азии. №3 (15). Горно-Алтайск, 2010.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Суттуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996.

- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // Российская археология. 1997. №3.
- Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.
- Güneri A.S. Altay Dağları Bölgesi Kaya Resimleri: Klasik Türk Dönemi-2 Evresi Türk Tasvir Sanatına Dair Yeni Kavramlar // Arkeoloji ve Sanat. 159: Eylül-Aralık 2018. (на тур. яз.)
- Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D. Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai // Rock Art Research. 2016. Vol. 33. No 1.
- Гай Шаньлинь. Иньшань яньхуа [蓋山林。陰山岩画]. Петроглифы гор Иньшань. Пекин, 1986. 2, 20, 442 с. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь. Уланьчабу яньхуа [蓋山林。烏蘭察部岩画]. Петроглифы степи Уланьчаб. Пекин, 1989. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь. Баданьцзилинь шамо яньхуа [蓋山林。巴丹吉林沙漠岩画]. Петроглифы пустыни Баданьцзилинь. Пекин, 1997. (на кит. яз.)
- Ду Чэнфэн. Сунань яньхуа [杜成峰。肅南岩画]. Петроглифы Южной Ганьсу. Ланьчжоу, 2014. (на кит. яз.)
- Ли Сянши, Чжу Цуньши. Хэланьшань юй Бэйшань яньхуа [李祥石, 朱存世。賀蘭山與北山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань и Бэйшань. Иньчуань, 1993. (на кит. яз.)
- Сю Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа [许成, 卫忠。贺兰山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань. Пекин, 1993. (на кит. яз.)
- Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа. Цинхай яньхуа – шицянй ишу чжун эрьюань дуйли сывэй цзи цзи гуаньнянь дэ яньцзю [汤惠生, 张文华。青海岩画一史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Петроглифы Цинхая – исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве. Пекин, 2001. (на кит. яз.)
- Хань Циган. Субэй яньхуа [韩积罡。肃北岩画]. Петроглифы Северной Ганьсу. Ланьчжоу, 2015. (на кит. яз.)
- Чжан Баоси. Ганьсу шэн Цзиньюань сянь Учзячуань фасянь яньхуа [张宝玺。甘肃省靖远县吴家川发现岩画] Петроглифы, обнаруженные в Учзячуань, уезда Цзиньюань пров. Ганьсу // Вэньу. 1983. №2. (на кит. яз.)
- Чжоу Синхуа. Чжунвэй яньхуа. [周兴华。中卫岩画]. Петроглифы Чжунвэя. Иньчуань, 1991. (на кит. яз.)

УДК 903.27

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.45

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

«ЗОДИАКАЛЬНАЯ» ТАТУИРОВКА ВОЖДЯ-ЖРЕЦА ИЗ ПАЗЫРЫКА-2

В 1948 г. во время раскопок большого 2-го Пазырыкского кургана на Алтае археологическая экспедиция С.И. Руденко обнаружила мумию мужчины с татуировками, а в 1949 г. была опубликована его первая статья об этой уникальной находке. Многие археологи неоднократно рассматривали связанные с этой татуировкой разные аспекты: стиль изображений, хронология, социальные и этнические проблемы. В статье впервые поставлен вопрос об общей семантике татуировки на теле вождя-жреца из кургана Пазырык-2. Изображения реальных и «сверхъестественных» образов на этой татуировке позволяют предполагать, что это была единая сакральная композиция, связанная с общей «моделью мира» «пазырыкцев» Алтая, с их зодиакальными и календарными представлениями. От созвездия Рыб на правой ноге вождя через созвездия Козерога (колено), Льва (сердце) к созвездию Барана/Овна (на левом плече), через переходные «сверхъестественные» образы, названные автором медиаторами, – таков зодиакальный круг на пазырыкской татуировке. Следует отметить, что на этой татуировке показана одна из ранних «композиций» сакрального «зодиакального человека», реально нанесенная на тело вождя-жреца, позднее нашедшая отражение в многочисленных рисунках из разных регионов мира.

Ключевые слова: Алтай, Пазырык, татуировка, зодиак, вождь, жрец, семантика